

СЕРГЕЙ НОСОВ: «ДАРИТЬ КНИГИ УЖЕ НЕЛОВКО!»

Интервью

В прошлом октябре «Сибирские огни» провели Восьмое региональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока. Одним из наставников семинара стал известный питерский писатель Сергей Носов. В его оценках сочетались неподдельный интерес к молодым прозаикам, деликатность и чувство юмора. В интервью нашему журналу Сергей Анатольевич рассказал о впечатлениях от текстов семинара, о женщинах в литературе и о профессиональных снах писателя.

— Как вам уровень работ, представленных на семинаре?

— Уровень семинара традиционно неровный. Встречаются и совершенно профессионально написанные интересные тексты, и ученические работы. Другими словами, что-то меня увлекло, а что-то дочитывал по обязанности соруководителя семинара. Отметил несколько имен; встречу произведения этих авторов в печати — непременно ознакомлюсь. Одна из неоконченных вещей, надеюсь, будет дописана — любопытно, что в итоге получится.

— Вы провели семинар вместе с Юрием Козловым. Всем запомнилось, что вы были в роли «доброго следователя». А вообще, на разборах в какой пропорции задействуете кнут и пряник?

— Нет, мы роли не распределяем преднамеренно. Сильно ли хвалить молодого автора, сурово ли ругать — это все спонтанно получается. Но в основном выбираю ампула если не доброго, то доброжелательного «следователя». В молодости я писал и стихи, и прозу. И однажды дал прочесть свой рассказ товарищу по перу, он был старше меня на семь лет. И он его разнес — совсем не по-дружески! Так мне тогда показалось. Лишь потом оценил, как он мне тогда помог — по-настоящему. Добрейший был человек.

— На семинарах учатся анализировать работы коллег. В Новосибирске довелось услышать интересные, не поверхностные суждения?

— Да, конечно. И довольно много. Хорошо, когда точному взгляду на чужие тексты отвечает трезвость самооценки. Такое не всегда происходит. Поэтому и необходим взгляд со стороны. Это, кроме прочего, и вопрос уверенности в себе самом. Начинающему автору важно понять: то, чем он занимается, — это увлечение или нечто большее? Может ли из этого что-нибудь получиться?

— Едва ли не половина участников вашего семинара прозы — действующие журналисты. Как прокомментируете это?

— Да, у работающих в журналистике есть свои навыки. Журналист по-своему переживает соблазн авторствования. Некоторые, с высоты своего опыта, считают, что умеют писать — бывает и так, только далеко не всегда. Иногда полезно приструнить в себе журналиста. Все индивидуально.

Обратил внимание вот еще на что: подавляющее большинство молодых прозаиков — женщины. Осенью на мастерской АСПИР в Астрахани наш семинар прозы состоял исключительно из представительниц лучшей половины человечества... если не считать нас — двух руководителей! Неужели, действительно, вторая половина рода людского отстраняется от решения творческих задач, от литературы? Видимо, происходят какие-то тектонические сдвиги в природе творчества. Прежде задавали тон в прозе главным образом мужчины. Но все когда-нибудь заканчивается.

— Кого из писательниц выделяете? Есть Токарева, Рубина, Степнова, Абгарян, Грозная, Ануфриева, Аникина, Богданова, Николаенко, Некрасова...

— Ну, можно и Татьяну Москвину упомянуть, недавно ушедшую из жизни... Но зачем обособлять кого-то по половому признаку? Помню, у нас в магазине на Невском для писательниц отдельные стеллажи выделялись. Ну это ж не баня! Я толерантный читатель. И хорошую прозу только приветствую. Допустим, мне нравится проза моих друзей — Павла Крусанова, например; он же не виноват, что он не женщина.

— Как часто питерские авторы проводят встречи с читателями?

— Прозаики обычно устраивают презентации новых книг — в магазине «Во весь голос», в «Книжной лавке писателей». В целом у меня ощущение, что все постепенно затухает. Есть с чем сравнивать. Лет двадцать назад мы постоянно выступали — в Москве, в магазине ОГИ, ездили и в другие города. Писательская жизнь бурлила! И не только у нас. Мой роман перевели на итальянский в 2009-м — меня пригласили на книжный фестиваль в Порденоне. Был поражен масштабом книжного праздника в довольно маленьком городке.

— Подождите, в самом центре Питера — то на Дворцовой площади, то в Манеже — ежегодно проходят крупные книжные ярмарки! Они не такого размаха, как в Италии?

— В 2023 году на питерском книжном салоне (Санкт-Петербургский международный книжный салон. — Ю. Т.) отечественная художественная литература была представлена крайне скудно. Именно художественная. Не говорю о детской литературе, с этим у нас на любом форуме все очень даже неплохо.

А итальянский случай — это принципиально другое. Представляете, несколько дней весь город живет книжным фестивалем! Везде волонтеры, символика, реклама форума, народ с утра стоит в очередях — в ожидании встречи с писателем. Картина почти сюрреалистическая: раннее утро, пустой город — и очереди в ожидании открытия площадок! Книги продаются в огромном шатре на площади — круглосуточно. В общем, происходит что-то немыслимое...

— Что должно произойти в России, чтобы мы наблюдали нечто похожее?

— Не знаю. Что-то произошло с нашими мозгами — и былого интереса к литературе нет; заметьте — к литературе как к форме познания реальности. И это печально. Если люди перестанут читать, изменится их миропонимание, способ мышления. Мы разучимся формулировать мысли. Просто станем другими.

— Так уже сегодня наблюдается оптимизация усилий — когда вместо страницы описания своих чувств ставят один смайлик. Вперед в пещерный век, к наскальной живописи?

— Да-да-да! А стрелки на выход не требуют осмысления, они и так понятны. Жесты и мимика скоро заменят слова...

— И как живет писателю в таком не слишком вербальном пространстве?

— Ну, писатель... А что писатель? Он больше других восприимчив к тотальной глухонемоте. Перестанет быть писателем от глагола «писать». Перейдет на общение «иероглифами бытия». Стрелки, ступеньки, человечки, собачки... Комиксы вон все активнее вытесняют художественную литературу.

— Не думаю, что литература сдастся быстро. Поэтому такой вопрос. За каким направлением ближайшее будущее? За короткой прозой или романом, повестью?

— Хороший, ну очень хороший рассказ написать труднее, чем роман. Даже так скажу: у романа меньше шансов не получиться. Кажется, у Кортасара была эта формула: романист побеждает по очкам, а рассказчик — нокаутом. Действительно, каждый раз побеждать нокаутом — очень трудно. У профессионалов бокса нокауты не столь часто встречаются.

Это у Чехова рука была сильная, он на очки вообще не играл. С Борхесом та же история. Мне довольно трудно писать короткую форму.

А еще труднее — драматургию. Если кто-то говорит, что ему было легко написать пьесу, — скорее всего, она вышла слабой. Великие пьесы можно пересчитать по пальцам.

— А вы с какой попытки написали пьесу, поставленную в одном из самых известных российских театров — питерском БДТ?

— Начнем с того, что ее приняли к постановке лет через пятнадцать после того, как она была написана. Но до этого она прозвучала по «Радио России». Режиссер питерской ГТРК Галина Ивановна Дмитренко работала с прекрасными актерами. Сергей Дрейден, Андрей Толубеев... Мне вообще везло с актерами... Ну и вот через пятнадцать лет пьесу прочли в БДТ. И наконец, появился спектакль на сцене.

А самая первая моя пьеса — «Дон Педро», это история про двух пенсионеров... Впрочем, сейчас рассказывать подробно, наверное, не стоит, у нас же с вами интервью! Тоже писал в расчете на радио, а стали активно ставить на сцене, к моему удивлению. В одном из спектаклей, в Москве, играли Алексей Петренко и Альберт Филозов. В другом, питерском, — Михаил Светин и Игорь Дмитриев, потом Александр Демьяненко...

— Ого! А семинары по драматургии вам не доводилось вести?

— Нет, никогда. Давным-давно принимал участие в семинарах и читках «Любимовки». Но когда это было!..

— Вы в Новосибирске не в первый раз. Со многими коллегами по лицедею знакомы?

— Знаю, что здесь живет прозаик, не слишком известный новосибирцам. Пишет под псевдонимом Виктор Стасевич. Он не только писатель, но и крупный ученый, биолог, директор одного из институтов Академии наук... С ним и Павел Крусанов дружит, и Дмитрий Григорьев, поэт, — в общем, целая компания питерских литераторов.

Виктор не слишком тесно соприкасается с местным литературным процессом. При этом он вполне самодостаточный автор. Его издавали в «Лимбусе», к примеру. Мы познакомились в путешествии. Он взял нас с Крусановым в экспедицию в Казахстан. Потом в Горном Алтае с ним побывали, в джунглях Перу. Это были какие-то сумасшедшие поездки...

— Не захотелось остаться в Латинской Америке?

— Мне? Ни в коем случае! Мы встретили в Перу одного россиянина, вот он постоянно там живет, в самой что ни на есть перуанской глуши, — разводит зверушек всяких. Рассказал о первобытных племенах, обитающих рядом. В нашей компании были два энтомолога, вот им всегда найдется, чем в джунглях заняться. А я все это исключительно эмоционально воспринимаю. Деревья шириной с эту комнату, лианы, тарантулы со смертельным укусом — это, конечно, впечатляет. Мадред-Дьос — приток Амазонки, сомик из него небольшой нашего товарища за палец укусил, не будучи пираньей какой-нибудь...

— Знаю, в Новосибирске вы выступали на круглом столе, обсуждали принципы иерархичности литературы. Уместно ли сказать, что, к примеру, сегодня в Питере писатель номер один — Водолазкин? Или все-таки Юзефович? Или Попов?

— Я бы не стал расставлять наших современников по местам. Потому что, если им в какой-то степени будет интересна литература, будут смотреть на наше писательское поколение совершенно другими глазами. Мы ведь тоже по-своему воспринимаем литературу 20-х, 30-х годов прошлого века — не так, как первые читатели Есенина и Маяковского. Кто сегодня помнит Павленко? Кто сейчас всерьез считает маргиналами Хармса и Введенского?

Если вернуться к ответу на ваш вопрос, могу сказать: еще лет пятнадцать назад на одной из презентаций книги Юзефовича я назвал его достойным Нобелевской премии по литературе.

— **Интересно, что Прилепин поставил на Водолазкина!**

— Вполне возможно, что Водолазкин получит свою Нобелевку. Поздравлю коллегу с успехом.

— **А вам интересна какая-либо литпремия?**

— С некоторых пор меня стали приглашать в разные жюри. И должен сказать, мне не очень нравится оценивать, распределять, кто первый, кто пятый, проставлять баллы.

Хотя прекрасно понимаю, что для автора присуждение премии — это очень важно и приятно. Не для всех, конечно. Помнится, в 1996 году Гандлевский отказался от «Антибукера» и двенадцати тысяч долларов в придачу.

Вообще, премия никак не влияет на уже готовое произведение. Она не делает текст ни лучше, ни хуже. Премия может увеличить продажи книги, это да, какое-то привлечь к ней внимание. Что немаловажно в условиях отсутствия экспертных оценок. Критика как институция практически отсутствует, есть отдельные, и хорошие, критики, но кто их слышит? Вот премиальный процесс и берет на себя функции критики — худо-бедно ориентирует читателя. Он же может фальсифицировать успех. Не членам жюри какой-либо премии, а именно критикам следовало бы говорить: вот это здорово, это — да, а вот это — фу! фу! — нет. С профессиональной аргументацией, разумеется.

— **В регионах нередко говорят так: никакой критики у нас давно нет, всем заправляют крупные издательства!**

— Когда кто-то чем-то заправляет, критики и быть не может. Требуется реклама, пиар, а не критика. Полагаю, ситуация с ангажированностью рецензий и отзывов сложилась после смерти известного критика Виктора Топорова. Он держал всех в каком-то напряжении. А сейчас и стесняться нечего...

Книги критиков сегодня редкость. Да, есть ностальгия по независимой критике. К сожалению, вместо критических оценок натыкаешься

на отметки по числу звездочек, любой потребитель литературного продукта способен вынести свой вердикт. С потребительской точки зрения литература мало отличается от зубной пасты или формы услуг...

— Как изменить эту ситуацию? Хороших критиков выращивать еще труднее, чем хороших писателей!

— Не знаю. Книга становится проблематичным предметом. Дошло до того, что дарить свою книгу стало как-то неловко. А может, ее куда будет поставить? Не у всех ведь дома есть книжные полки...

— Недавно прошел еще один круглый стол с вашим участием — он был посвящен сложной ситуации с толстыми литературными журналами. В Питере по-прежнему выходят некогда очень популярные «Звезда», «Нева» и «Аврора». Есть ли надежда на высокие тиражи этой периодики?

— Мне кажется, все эти три журнала в одинаково тяжелой ситуации.

— Неужели нигде гонораров не платят? Даже такому крутому писателю, как Сергей Носов?

— Помнится, впервые я напечатался в «Звезде» в 1999 году. За роман в журнальном варианте мне заплатили около 200 долларов по текущему курсу на тот момент. И я записал в дневник, как я разочарован, очень уж мало. Забавно это читать сегодня, когда в журналах, можно сказать, не платят вовсе!

— Тогда лучший способ монетизации литспособностей — это?..

— Какая монетизация? Уж лучше землю копать, трубы красить... Может быть, в Москве другая ситуация — а у нас в Петербурге литературой точно не разбогатеешь.

— Сейчас издать книгу престижнее, чем опубликоваться в журнале. А нередко еще и быстрее! Согласны?

— Насчет престижности не мне судить. Считаю, что публикация в литжурнале стала отчасти бессмысленным делом. Кто сейчас ждет новую интересную прозу в журналах, кто с ней внимательно знакомится?

— То есть вы уже даже не предлагаете свеженарисованное питерским редакциям?

— А я вообще не предлагающий человек! Всегда публиковал то, что у меня просили.

В середине 90-х я увлекся написанием пьес. По наивности относил их завлитам театров, предлагал ознакомиться. Меня не то чтобы не пускали на порог, нет, все встречали весьма доброжелательно. А по факту оказалось, что мои визиты в театр — абсолютно бессмысленная затея. Никакой обратной связи не было.

Был редкий случай с «Новым миром». В 2015 году я отдал им свой роман «Фигурные скобки» — и его тут же напечатали! Мне было неловко:

вполне возможно, в этих двух номерах из-за меня слетели какие-то авторы, с которыми была договоренность, люди ждали, надеялись...

На эти грабли я сам наступал в 1992 году! В «Неве» решили печатать «Красное колесо» Солженицына — а мою прозу выкинули из уже сверстанного номера.

— Вы упомянули, что дружите с Крусановым. А на чем может базироваться дружба литераторов, как вам кажется? У вас схожая система литературных взглядов? Или одни и те же любимые спиртные напитки? Дни рождения по соседству в календаре? Общие прогулочные места в Санкт-Петербурге?

— Да как-то само по себе получается... В начале нулевых мы часто оказывались за одним столиком в галерее «Борей», это на Литейном проспекте — Наль Подольский, Крусанов, Носов, Коровин, Секацкий, Татьяна Москвина... Один хороший художник сказал: «Фундаментально сидите!» Тут же к нам и пристало — «петербургские фундаменталисты». Мы и сами стали осмыслять себя как содружество. И мы стали вместе выступать, проводили круглые столы и конференции. Никто никому не мешал. Оказалось, что наши тексты даже чуть-чуть взаимодействуют между собой. Хороший был альянс, периодически возникали трогательные моменты.

А про наше знакомство с Крусановым можно писать мемуары. Мы были знакомы, но шапочно. И вот однажды, в конце 90-х, я выношу помойное ведро. Гляжу, по набережной Фонтанки, мимо наших помойных баков, идет Крусанов. В прекрасном настроении. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» А Павел тогда работал редактором в очень крупном издательстве «Северо-Запад». И вдруг он спрашивает: «Есть что-нибудь для нас?» Я отвечаю: «Да вот роман завершаю!» Рассказал в двух словах, что это как бы на шпионский роман пародия, но с претензией... А Павел тут и говорит: «Отдай нам!» Отчего ж не отдать. Отдал. Через месяц Крусанов позвонил, наговорил кучу теплых слов. Мы встретились, посмотрели друг на друга более внимательно. Роман им тогда не подошел, по профилю отдела, да и ладно. А вскоре у Павла вышла книга, сборник прозы «Отковать траву». Я и не знал, что он так хорошо пишет. Рецензию на его сборник написал даже и, по-моему, точные слова нашел — кстати, это, не дайте соврать, вообще была первая рецензия на Крусанова. Вот так проза нас и сдружила. А тот мой роман вышел гораздо позже — и в другом издательстве...

— Что главное в прозе? Характер главных героев, нетривиальный сюжет, узнаваемый стиль изложения?

— Первая задача — писать убедительно, а иначе все остальные задачи ненужными будут. Писатель отчасти психотерапевт, он должен подчинять внимание читателя. Текст должен быть ярким, по возможности неподражаемым, с авторской интонацией, которую трудно подделать. Авторская индивидуальность должна быть в нем выражена. Чтобы читатель поверил голосу этому, чтобы погрузился в текст с головой.

И не надо вычленять, что главное. В конце концов, в прозе вообще может не быть сюжета! Как у Вагинова, например, в «Козлиной песне». Помню, как меня заворожил этот роман много лет назад, когда я еще и не писал прозу...

Проза, на мой читательский взгляд, должна быть человекомерной. Я должен сочувствовать героям книги — вернее, переживать их присутствие, свое сосуществование с ними. Если у автора герои не люди, а функции какие-то, если заметно, что сюжет собран, как LEGO, — увольте, мне хочется про людей.

Известный пример антагонизма: Набоков терпеть не мог Розанова. А мне нравятся и тот, и другой. У каждого читателя свои любимые авторы, всех любить невозможно. Из зарубежных мои — Фолкнер, Камю, Джойс. А вот любимый многими Хемингуэй — почему-то не мой автор.

— Признайтесь, кто впервые вам сказал, что вы — писатель?

— Меня часто спрашивают: «Когда вы почувствовали себя писателем?» Всякий раз отвечаю так: «Когда стал видеть профессиональные сны». Мне стали сниться буквы, они складывались в разные тексты. Я просыпался — и ничего не помнил. Однажды во сне я сложил из букв небольшой рассказ на кухонном столе, подошла жена и все смахнула на пол, думая, что это крошки черного хлеба. Это все мне стало сниться в середине 90-х, после выхода двух книжек рассказов.

Я уже говорил, что начинал со стихов. Однажды попал на конференцию молодых писателей Северо-Запада России. Семинар вели Леонид Агеев, Олег Тарутин. Они-то и сосватали меня в ЛИТО Глеба Семенова, очень хорошего поэта. Недавно двухтомник воспоминаний о нем выходил, есть там и мое эссе.

— А сейчас со стихами дружите?

— Пишу стихи, но редко. Года четыре назад издал первую поэтическую книжку, я до того только в сборниках и антологиях отмечался. Поэт, бросивший писать, — как анонимный алкоголик. Завязал, двадцать лет не пьет, а выпил рюмку — и все понеслось сначала!

Да нет, я не завязывал со стихами. Но в основном прозу пишу. И реже — пьесы.

Беседовал Юрий Татаренко.